

Адам де ла Аль в свете М.М. Бахтина

© 2022 А.А. Любавина

*Любавина Алеся Алексеевна, студент факультета гуманитарных наук (ОП «Филология»)
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: lyubavinaalesya@gmail.com*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Москва, Российская Федерация

Аннотация. В книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» М.М. Бахтин называет пьесу Адама де ла Аля «Игра в беседке» («Jeu de la Feuillée», 1262) «замечательным образцом чисто карнавального чистого видения и понимания жизни и мира». В статье рассматривается, как на основе этой пьесы Бахтин формулирует основные принципы и функции народно-праздничных форм. Автор статьи дополняет его теорию другими, не менее «карнавальными» сочинениями Адама де ла Аля – стихотворными дебатами жё-парти (jeux-partis).

Ключевые слова: западноевропейская средневековая литература, средневековые дебаты, Адам де ла Аль, средневековая пародия, карнавал.

В своей книге о Рабле М.М. Бахтин рассматривает, в частности, пьесу Адама де ла Аля «Игра в беседке» («Jeu de la Feuillée», 1262) назвав ее «замечательным образцом чисто карнавального видения и понимания жизни и мира...» [1, с. 21]. Согласно Бахтину, «эта первая комическая драма Франции использует праздник карнавального типа, использует его тематику и связанные с ним права на выход из обычной жизненной колеи, права на вольность в отношении ко всему официальному и освященному. Здесь все это использовано еще довольно просто, но зато очень наглядно. Драма эта с начала и до конца глубоко карнавализована» [1, с. 283].

Бахтин пишет, что Адам де ла Аль использует народно-праздничные формы очень просто, а потому для нас их функции проявляются крайне наглядно, и гораздо удобнее разобрать их именно на этом простом примере. Поэтому в качестве исходного пункта Бахтин решает проанализировать именно «Игру в беседке», а уже затем показать, как функции народно-праздничных форм проявляются у Рабле. Ученый увидел в этой пьесе «почти весь раблезианский мир в его зачатках» [1, с. 285]. Бахтин считал, что функции народно-праздничных форм в пьесе и романе аналогичны друг другу, хотя в романе они «шире, глубже, сложнее, сознательнее и радикальнее» [1, с. 289].

Анализируя пьесу, Бахтин не обращается к другим текстам, созданным в то же время. С одной стороны, он, конечно, не пишет, что «Игра в беседке» – единственный текст XIII в., где функции народно-праздничных форм оказываются приближенными к раблезианскому миру, но с другой стороны, он явно акцентирует внимание на некоторой исключительности этого текста. Не будем сейчас пересказывать, как именно Бахтин разбирает пьесу. Вместо этого предлагаем посмотреть на основные особенности текста, которые выделяет Бахтин, и попробуем понять, насколько они могут быть применимы к совершенно другой группе текстов, созданной тем же Адамом де ла Алем и его современниками.

В статье речь пойдет преимущественно о группе текстов жё-парти (jeux-partis) – средневековых стихотворных дебатах труверов XIII в. (унаследованных от тенсон трубадуров), тематика которых связана с куртуазной концепцией любви «fin'amors».

В этом споре всегда участвуют два трувера. В первой строфе один задает другому вопрос, предлагающий лишь два варианта ответа. Второму труверу необходимо выбрать любой из вариантов, оставшийся вариант достается первому участнику. Затем труверы спорят (при этом каждый строго придерживается своей позиции) по поводу того, как следует завоевывать даму, как вести себя с ней и т. д. Таким образом, по самой своей структуре жё-парти является игровым жанром: позиция, которую защищают труверы, навязана им

правилами игры, на самом деле они могли не поддерживать ее). В финале жё-парти каждый участник обращается к судьям, резюмируя свою позицию и призывая отдать победу ему.

Несмотря на то, что первые жё-парти исполняются еще в начале XIII в., расцвет этого жанра приходится на 1250–1260-е гг. и оказывается связанным с конкретным местом – городом Аррас, в котором и жил Адам де ла Аль. До нас дошло 189 текстов жё-парти, две трети которых были сочинены именно арраскими труверами. Адам де ла Аль принял участие в 17 дебатах. Бахтин упоминает некие «прения», но конкретно о жё-парти ничего не пишет: «Развиваются различные жанры смеховой риторики: всевозможные “прения” карнавального типа, диспуты, диалоги, комические “хвалебные слова” (или “Прославления”) и др.» [1, с. 21]. Бахтин не уточняет, что именно он имеет в виду под «прениями карнавального типа», но, судя по всему, речь идет о диалогических смеховых жанрах, таких как аллегорические споры зимы с весной, старости с молодостью, отцов с детьми, которые Бахтин еще будет вспоминать позднее. Для нас же важно, что функции, выделенные в «Игре в беседке», на другие тексты XIII в. Бахтин не распространяет.

Перед тем, как мы перейдем к попытке применить тезисы Бахтина к жё-парти, подчеркнем еще одну – крайне важную – особенность этих дебатов. Как мы уже отметили, все они посвящены вопросам куртуазной любви, то есть концепции, которую французские труверы унаследовали от провансальских трубадуров. Однако сама форма дебатов приводит к тому, что один из труверов всегда должен опровергать мнение куртуазного возлюбленного и представлять любовь к даме в совершенно нехарактерном для литературы того периода свете: возвышенная концепция «fin'amors» утрачивает свой благородный, сакральный, характер, любовь «снижается», прозаизируется, поэт уже не служит даме, а прикидывается, насколько общение с ней ему выгодно. Все это позволяет выдвинуть некоторые предположения о пародийном характере жё-парти в контексте средневековой куртуазной литературы.

Теперь вернемся к тому, какие особенности будущего раблезианского мира Бахтин выявляет в пьесе Адама де ла Аль. Первое, на что ученый обращает внимание в «Игре в беседке», – это приуроченность пьесы к празднику: «Пьеса ставилась первого мая, в день ярмарки и народного праздника в Аррасе, – и все действие приурочено к первому мая... Они [праздник и праздничная глупость] дают автору право на неофициальную тематику; больше того – на неофициальную точку зрения на мир. Пьеса эта, при всей ее простоте и непретенциозности, дает особый аспект мира, совершенно чуждый и – в основе своей – глубоко враждебный средневековому мировоззрению и официальному строю жизни. Прежде всего аспект этот веселый и улегченный; существенную роль в нем играет пир, производительная сила, игра, пародийное травестирование...17» [1, с. 283, 289].

Иными словами, во время праздника установленный порядок переворачивается, и уже становится совершенно необязательно придерживаться только официального средневекового мировоззрения. Что касается жё-парти, то их исполнение связано не столько с общими народными праздниками или ярмарками, сколько с собраниями поэтического сообщества. Среди жителей Арраса была крайне распространена практика объединяться в братства по виду деятельности. Так в середине XIII в. возникла литературная академия «Пюи», в которую вступили арраские труверы и именно с которой связывается популярность жё-парти. Известно, что несколько раз в год академия проводила собрания, на которые, кроме действующих членов, приглашалась и арраская аристократия. На собраниях поэты исполняли песни, свои и чужие, состязались друг с другом в жё-парти, а после этой перформативной части устраивался пир [см.: 3, с. 501].

Таким образом, жё-парти исполнялись тоже в рамках определенного увеселительного мероприятия, которое создавало для труверов игровое пространство, позволяющее им на время отречься от прежних мнений и текстов, надеть маски и вступить в спор с куртуазным пониманием любви. Специфика правил жанра была такова, что труверы спокойно могли противоречить самим себе в разных жё-парти. Так, Жан Бретель, самый частый участник собраний, в споре с трувером Гривиле доказывает, что поэту полезнее томиться любовным желанием, чем получать от дамы разрешение на близость, а в споре с Адамом де ла Алем

утверждает, что поэт обязательно должен получить от дамы желаемое. Отметим, что в обоих жё-парти вопросы задает не сам Бретель, а его партнеры, то есть трувер сознательно решает показать зрителям, что он настолько талантлив как поэт, что может отстоять любую точку зрения.

В другом жё-парти Бретель иронизирует над Адамом де ла Алем, замечая, что в реальной жизни тот ведет себя совсем не так, как того требуют куртуазные идеалы, которые он вдруг решил защищать в споре. Прежде, чем просить даму о милости, влюбленный должен, по крайней мере, год доказывать свои чувства, служа ей. Однако поведение самого Адама по отношению не соответствует этому требованию:

... Adan peu kerroie.

Il meïsmes fist ensi que je di :

Il request tost, lues fu fais li otrois,

Bien l'en vint, or le renoie ! [4, I, c. 154]

...Адаму я слабо верю.

Он сам поступал так, как я говорю:

Он требовал сразу, ему тотчас уступали,

Его всё очень устраивало, но теперь он это отрицает!

Соответственно, и аудитория оказывается вовлеченной в празднично-игровое пространство, она понимает его законы и во время дебатов живет по ним, относится к жё-парти как к шуточным, возможно пародийным спорам, как к демонстрации поэтического мастерства, но не как к серьезным дебатам. Отметим, что сами участники жё-парти помимо поэзии занимались еще и весьма практичными вещами: они были не аристократами, а банкирами, торговцами, клириками и землевладельцами. Середина XIII в. в Аррасе ознаменована расцветом новой городской культуры и появлением нового типа людей – буржуа, не имеющих знатного происхождения, сколотивших себе состояние торговлей и финансовыми операциями, которые очень завидовали аристократии и хотели приблизиться к ней [2, с. 109]. Собственно братство и его поэтические состязания позволяли буржуа на время представить себя аристократами (самого популярного участника жё-парти Жана Бретеля они даже наградили титулом «князя»). Игровое пространство позволяло им заявить о себе и вступить в спор с самым излюбленным сюжетом аристократов – куртуазной любовью.

Второе, на что обращает внимание Бахтин, – отсутствие строго разграничения между пьесой и реальной жизнью: «"Игра в беседке" почти не имеет рампы. Пьеса исполняется в Аррасе, и действие ее также происходит в Аррасе, родном городе автора. Участвуют в ней сам автор, молодой трувер, его отец (мэтр Анри), другие граждане Арраса... Дело идет в этой пьесе о намерении Адама покинуть родной город и жену, чтобы ехать учиться в Париж. Так было и на самом деле. Следовательно, и сюжет почти не отделен рампой от реальной действительности... Дается предельно откровенное в духе карнавальной вольности и фамильярности изображение личных и семейных дел самого автора...» [1, с. 283, 284]. При этом ученый подчеркивает, что отсутствие строгой рампы было характерно для всех народно-праздничных форм» [1, с. 292].

В жё-парти труверы постоянно ссылаются на личный опыт. Например, Жан Бретель в одном жё-парти говорит, что дама, в которую он давно влюблен, не отвечает ему взаимностью. Трувер задает вопрос: стоит ли ему продолжать оказывать ей знаки внимания, не теряя надежды на ее милость, или же ему следует обратить внимание на другую даму, которая сама просит его любви. Неясно, имеется ли в виду реальная дама или это только гипотетическая ситуация, однако сам трувер настаивает на реальности проблемы. Адам де ла Аль, когда задает вопрос в жё-парти, утверждает, что ему в самом деле нужен совет:

Sire, assés sage vous voi

Pour moi consillier

De chou dont vous vuel proïïier... [4, II, c. 77]

Сир, вы достаточно разумны,

Чтобы дать мне совет

В том, о чем хочу вас спросить...

В другом жё-парти трувер Роже предлагает Адаму обменяться женами. Адам отказывает, аргументируя это тем, что не знает всех прелестей жены соперника, а соответственно не может быть уверен в равноценности обмена. Получается, что труверы обсуждают свои личные дела и реальных людей, но в особой манере, обусловленной

правилами игры. Также в жё-парти вовлекаются и другие люди: в конце дебатов каждый из участников обращается к конкретному лицу, прося его рассудить спор.

В связи с этим можно выдвинуть две гипотезы. Первая гипотеза: возможно, те, к кому труверы обращаются в конце жё-парти, действительно находились среди слушателей и действительно судили дебаты, надевая на себя маски и следуя правилам игры. Вторая гипотеза: обращение здесь выступает как ссыла на авторитет, как способ отдать дань уважения своим друзьям и покровителям. В любом случае получается, что жё-парти выходят за рамки спора двух участников и вовлекают в свой перевернутый мир и других жителей Арраса.

Также отметим, что в ходе жё-парти труверы часто отсылают к прошлым собраниям и разговорам. Например, Жан Бретель говорит Адаму де ла Алю:

Adan, amis, je vous dis une fois,
A vous et maistre Jehan de Marli,
Que jamais ne partirole ;
Mais tenir ne m'en porroie. [4, II, c. 66]

Адам, друг, однажды я сказал вам,
Вам и Жану де Марли,
Что никогда не буду участвовать в жё-парти;
Но не могу сдержаться.

В жё-парти с Гривилером Бретель напоминает о следующем:

Grieviler, ja en ma vie
Reposer ne vous lerai... [4, I, c. 115]

Гривилер, ни разу в жизни
Я вам не отказал в ответе...

Труверы легко переплетают сопернические отношения в жё-парти со своими дружескими отношениями в реальной жизни. Жё-парти оказываются не просто отдельным перформансом, они тесно переплетены с жизнью, и чем больше личного упомянет трувер, тем удачнее окажется жё-парти. Как пишет Бахтин о пьесе Адама де ла Аля: «Грани между игрой и жизнью здесь нарочито стерты. Сама жизнь играет» [1, с. 284].

В-третьих, Бахтин обращает внимание на наличие в пьесе (как и во всех народно-праздничных формах) фамильярности, грубости, непристойности, подчеркивая, что в этом есть «своя система и стиль», что все это – «уже знакомые нам моменты единого смехового карнавального аспекта мира» [1, с. 284]. Здесь можно привести пример из ранних жё-парти Тибо Шампанского. Его соперник Рауль спрашивает, что выбрал бы Тибо: лежать рядом с голой дамой ночью, но без возможности поговорить с ней, либо разговаривать с ней днем без возможности прикоснуться. Внезапно, Тибо выбирает дневной разговор. Рауль говорит, что выбор Тибо объясняется только его полнотой: его большой живот не позволит ему прижаться к возлюбленной. Тибо в ответ напоминает Раулю о его хромоте: ночью дама вместо желаемого может нащупать его посох. Здесь мы видим, как в жё-парти появляется непристойная телесность, намеренная грубость при попытках уязвить соперника. Все это заметно снижает регистр «fin'amors». Куртуазная концепция любви становится поводом для шуток.

В связи с жё-парти Тибо Шампанского стоит высказать два соображения. Во-первых, с Тибо Шампанского фактически начинается традиция жё-парти, эти споры относятся к первой половине XIII в. Бахтин анализирует пьесу 1262 г., называет ее ранним прообразом раблезианского мира, но на самом деле все принципы, которые он формулирует, применимы не просто к другим текстам Адама де ла Аля, не просто к текстам его современников, а еще и к более ранним сочинениям, которые, между прочим, Адаму де ла Алю были известны: в Аррасе перепевались жё-парти Тибо Шампанского и, видимо, все новые жё-парти создавались как бы по их образцу. Когда Бахтин говорит, что нашел раннюю точку раблезианского мира, на самом деле он застает ее уже в ее развитии.

Во-вторых, не стоит забывать, что Тибо Шампанский являлся графом Шампани, а затем королем Наварры. О его сопернике Рауле почти ничего неизвестно, но явно таким статусом он не обладал. В соответствии с сословными законами общение между ними, очевидно, должно было сопровождаться дистанцией, формальностями, а также особым почтением со стороны

Рауля. Однако Рауль не просто общается с королем как с равным, он первым начинает оскорблять его. В этом примере можно разглядеть элементы карнавала: когда начинаются жё-парти, участники теряют свои официальные статусы, король в некотором смысле становится шутком.

Бахтин отмечает в пьесе также переодевания и пародирования, связанные с религиозной тематикой. В жё-парти, конечно, в клириков не наряжаются, однако религиозные метафоры используются очень часто и почти всегда в ироничном ключе. Так, Жан Бретель, утверждая, что поэт лучше сочиняет, когда он лишь томится любовным желанием, а не когда он уже обладает дамой, использует такие метафоры:

– Jehan, bien voi k'il m'estuet comparer:
Li roussignos, ce set bien tous li mons,
Chante jolis en espoir d'abiter,
Après se taist; et sachiés k'uns clerçons
Qui a avoir prouvende va baant
Sert miex en glise et de lire et de chant
Et plus en joie estude
Ke cil ki a canesie. [4, I, с. 317].

– Жан, видимо, нужно провести сравнение:
Соловей, как всем известно,
Радостно поет в надежде на примирение,
А после замолкает; и вы знаете, что клирик,
Желающий получать пребенду,
Служит в церкви лучше и лучше читает и поет,
И с большей радостью учится,
Чем тот, кто уже стал каноником.

Для Бретеля религия – способ рассказать, как следует любить. Подобно тому, как клирик прилежно учится и служит, чтобы получить пребенду (доход или землю) за свою должность, так и влюбленный поэт старательно ухаживает за дамой и сочиняет для нее песни, чтобы получить в награду ее любовь. Проповедь уподобляется любовной песне, а священнослужитель – любовнику. Примечательно, что соперник Бретеля как раз являлся клириком.

В другом жё-парти Бретель задает Адаму вопрос: согласился ли бы он прожить в Аррасе всю жизнь, обладая богатством и любимой дамой, но при этом не видя никого, кроме нее. Адам соглашается на такой вариант, но Бретель пытается переубедить его:

Riqueche ne drüerie
Ne vous seroit pourfitans.
Tous seus loeus seriés restans
Et soëlés con prisonniers vivriés
Et con paiens, car ja messe n'orriés
[4, II, с. 38].

Ни богатство, ни любовь
Не будут вам полезны.
Вы быстро останетесь одни
И будете жить как пленники
Или как язычники, не слыша мессы.

Жан Бретель не был священнослужителем (возможно, он вообще не был набожен), но, учитывая высокий уровень образованности Адама, он обращается к метафоре религиозного характера. Адам иронизирует, говоря, что Бретель совершенно не расстроился бы, если бы пропустил мессу:

– Sire Jehan, puis ier soir
Avés mout messe enchierie [4, II, с. 38].

– Сир Жан, со вчерашнего вечера
Вы сильно полюбили богослужение.

Скорее всего, это отсылка к некому сыгранному накануне жё-парти. Адам опровергает аргумент Бретеля, убеждая соперника в том, что в церковь он ходит ради чувственных удовольствий. Религиозная метафора переплетается здесь с метафорой еды:

Trop vous eslongiés du voir.
On entre en une abbeïe
Pour mengier oés et caus flans.
Encore est deduis plus grans
D'estre d'avoir et d'amie aaisiés
[4, II, с. 38–39].

Вы слишком далеки от истины.
В аббатство заходят,
Чтобы поесть яиц и горячих пирогов.
Это еще большее удовольствие,
Чем быть богатым и иметь подругу.

В том же жё-парти Адам де ла Аль утверждает, что предпочел бы остаться в Аррасе с любимой дамой и никуда оттуда не уезжать. Бахтин же настаивает, что «Игра в беседке», безусловно, автобиографична и что в реальности Адам, как в пьесе, хотел уехать из Арраса [1, с. 283]. Упомянутое жё-парти, если не опровергает это, то, во всяком случае, вызывает некоторые сомнения относительно честности Адама де ла Аля.

В начале статьи мы уже настаивали на том, что Бахтин не знал ни одного жё-парти и потому не мог разобрать их подобно «Игре в беседке». В пользу этого утверждения выступает также и непопулярность жё-парти среди исследователей. Первое издание текстов было выпущено только в 1926 г., причем на старофранцузском языке. До сих пор на современные языки жё-парти переводят крайне мало, а в русском переводе существуют всего два текста, переведенные только в нашем веке. Если сомнений по поводу того, мог ли Бахтин знать жё-парти, уже не остается, то его осведомленность об «Игре в беседке» вызывает еще некоторые вопросы. Была ли у ученого возможность прочесть эту пьесу или он разбирал ее на основании пересказа, почерпнутого в работах других исследователей? Впрочем, это не столь важно.

Бахтин анализирует один текст и ищет в нем прообраз раблезианского мира, однако все найденное им оказывается применимым к другим сочинениям Адама де ла Аля, к сочинениям его современников, и более того – к ранним жё-парти, созданным за 40 лет до анализируемой постановки. Иными словами, Бахтин пишет об одном тексте, а на самом деле – о важной тенденции, развивающейся в средневековой литературе и средневековом сознании. Так ученый подготовил почву для исследования и даже определил основные черты текстов жё-парти, о существовании которых он, вероятно, даже не догадывался.

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
2. *Berger R.* Littérature et société arrageoises au XIIIe siècle: Les chansons et dits artésiens. Arras: Mémoires de la Commission des monuments historiques du Pas-de-Calais. T. 21, 1981. 445 p.
3. *Brusegan R.* Arras e il mondo Cittadino // Lo spazio letterario del medioevo, 2. II. Medioevo volgare / éd. P. Boitani, M. Mancini et A. Vàrvaro. Rome: Salerno Editrice, 2001. P. 497–543.
4. Recueil général des jeux-partis français / publ. par Arthur Långfors, avec le concours de Alfred Jeanroy et Louis Brandin. Paris: Champion, 1926. T. I – VIII + LX + 356 p.; T. II – IV + 399 p.

Adam de la Halle in light of M.M. Bakhtin

© 2022 A.A. Lyubavina

*Alesya Alekseevna Lyubavina, student at the Faculty of Humanities
(Educational program «Philology»)
at the National Research University – Higher School of Economics
E-mail: lyubavinaalesya@gmail.com*

National Research University Higher School of Economics.
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the work “Rabelais and his World” Mikhail Bakhtin calls Adam de la Halle's play “Jeu de la Feuillée” a remarkable example of a purely carnival understanding of the world. The article considers how, on the basis of this play, Bakhtin formulates the basic principles and functions of folk-festival forms. The author also supplement Bakhtin's theory with other, no less carnival-like works by Adam de la Halle – poetic debates “jeux-partis”.

Keywords: medieval literature of Western Europe, medieval debates, Adam de la Halle, medieval parody, carnival.

1. *Bahtin M.M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa. M.: Hudozh. lit., 1990. 543 s.
2. *Berger R.* Littérature et société arrageoises au XIIIe siècle: Les chansons et dits artésiens. Arras: Mémoires de la Commission des monuments historiques du Pas-de-Calais. T. 21, 1981. 445 p.
3. *Brusegan R.* Arras e il mondo Cittadino // Lo spazio letterario del medioevo, 2. II. Medioevo volgare / éd. P. Boitani, M. Mancini et A. Vàrvaro. Rome: Salerno Editrice, 2001. P. 497–543.
4. Recueil général des jeux-partis français / publ. par Arthur Långfors, avec le concours de Alfred Jeanroy et Louis Brandin. Paris: Champion, 1926. T. I – VIII + LX + 356 p.; T. II – IV + 399 p.